

Юлианна Клермон

ЛЮБОВЬ НЕ ВХОДИТ
В МОИ ПЛАНЫ
НО ОН РЕШИЛ ИНАЧЕ

РОМАШКА

для Горыныча

СТУДЕНТЫ | ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ | ЭМОЦИОНАЛЬНО

Юлианна Клермон

Ромашка для Горыныча

<https://litres.ru/74212233>

Аннотация

ЛЮБОВЬ НЕ ВХОДИТ В МОИ ПЛАНЫ НО ОН РЕШИЛ ИНАЧЕ

Я слишком рано поняла: любовь – это роскошь, которую я не могу себе позволить. Мама любила, и это её сломало.

Я пообещала себе: никаких чувств, никаких зависимостей, никаких «навсегда», пока не встану на ноги.

Но в первый же месяц учёбы всё пошло не по плану, потому что один самоуверенный, наглый и абсолютно невозможный мажор решил, что я – его.

Он не понимает слово «нет», не умеет отступать и вообще не догоняет, почему я от него бегаю.

Но чем сильнее я сопротивляюсь, тем отчётливее понимаю – я уже проиграла.

Нежно. Горячо. Настоячиво. ✓ ХЭ обязателен △ 18+

Первая книга цикла «Любовь вне расчёта»

Все истории автономны

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Пролог

– Сонька! Сонь-ка-а-а!..

Блин!.. Тётъ Лена зовёт.

Выскакиваю из коровника.

– Тётъ Лен, что случилось?

– Сонька, сколько тебя можно звать? Ходи сюда, глухня стоеросовая!

Иду. А что остаётся? Тётъ Лена не любит, когда её не слушают.

Она вообще-то не злая. А обзывается просто по привычке. У нас в деревне все так друг с другом общаются. Это считается нормой.

В детдоме тоже постоянно обзывались. Но не так. Обидней, злей, жёстче. А тётъ Лена, считай, по головке погладила, приласкала.

– Что, тётъ Лен? – подхожу ближе.

– Чё-чё? Зову, значит, надо! Ты где шляешься?

– Так в коровнике убираю. Сами ж сказали.

– Сказала... – женщина бурчит, но тон уже пониже. – Значит, как уберёшься, иди на поле. Митьке пожрать отнеси. Да воды не забудь, а то знаю я тебя, балбесину! Опять парень будет сухомяткой давиться.

Ой, ну прям!.. Митька её без какого-нибудь освежающего напитка скотину пасти не ходит. Правда, освежающей он,

в основном, считает самогонку. Напьётся и спит где-нибудь под кустами, а я вечером хожу, коров да коз по кустам собираю.

– Ладно, – бурчу. – Ещё что надо, или я пошла?

Тёть Лена окидывает меня задумчивым взглядом и поджимает губы.

– Ничё пока. Иди. Если надобно будет, позову.

Бреду обратно в коровник.

Не то чтобы я животных не люблю, но не деревенский я житель, вот ни разу.

Пока сгребаю навоз пополам с соломой и опилками, вспоминаю, как мы с мамой раньше хорошо жили.

Мама...

Смахиваю слёзы.

Мама родила меня в двадцать, после второго курса института.

Папаша мой от нас открестился, ещё когда узнал о беременности. Назвал маму шлюхой и отправил по известному адресу.

Вернувшись в деревню с пищащим кульком на руках, она и там получила от ворот поворот.

– Перед кем ноги раздвигала, к тому и иди! А от меня помощи не жди. Мне беспутная дочь не нужна, – сказал дед и захлопнул перед плачущей мамой дверь.

Мама уехала обратно в город.

Лето мы прожили в общежитии. Мама устроилась на работу,

а со мной по очереди сидели её подружки и однокурсницы.

Осенью встал вопрос ребром – новая коменда категорически запретила младенцу находиться в общежитии.

– Есть Устав, и там сказано, что в общежитии могут проживать только студенты, – презрительно скривила губы бабища. – Так что, милочка, либо определяй свою девку куда-нибудь, либо съезжай.

Так мама и не доучилась. Сняла за копейки маленькую комнатку в частном доме у старенькой бабушки. Каждый день она на несколько часов ходила на подработку, а со мной в это время сидела бабуля. Долгое время я даже не знала, что она неродная.

Так на случайные мамины подработки и дотации от государства и жили.

Потом я подросла и пошла в школу.

Там тоже несладко было. Одета беднее всех, на шторы-полы-окна-парты не сбрасывалась, да и характер подвёл – не зубастая совсем. В общем, периодически мне доставалось от одноклассников.

И я научилась чутать неприятности и быстро от них бегать. Вот как только зуд пониже поясницы появляется – беги! Думать – куда, зачем и от чего бежала – буду потом. Столько раз меня эта чуйка выручала!..

Мне двенадцать было, когда зудеть начало, не переставая. Уж что я только не передумала, как только ни бегала. А оказалось, не от того и не туда бежала.

Внезапно заболела мама. Просто слегла в один день с температурой и больше не встала...

Что было на похоронах, кто их организовывал, кто за что платил – не помню. Бабуля говорила потом, что деньги всей улицей собирали. Маму многие знали и любили. Она почтальоном работала последние годы, вот и "пригодились" знакомства, чтобы проводить её в последний путь...

А через три дня за мной пришли женщины из опеки и забрали в детдом.

Бабуля хотела стать моим опекуном, но ей не разрешили. Возраст. Через два месяца не стало и её. Это я потом узнала, когда до бабули неделю не могла дозвониться.

Целых полгода я прожила в интернате для детей-сирот. Там я научилась не только хорошо бегать, но и отменно прятаться. А уж сколько новых слов узнала... И о себе, в том числе.

То, что какая-то семья из деревни решила взять надо мной опеку, мною было воспринято как небесный дар. Куда угодно, в любую глушь, только бы сбежать подальше от того, что творилось в интернате, особенно по ночам.

Уходя оттуда с тётъ Леной и дядь Лёвой, я была несказанно счастлива.

Если бы не мои новые опекуны, думаю, через полгода-год я бы уже точно вкусила все прелести взрослой жизни. И ни зуд бы не помог, ни скоростные забеги.

Подростков со спермотоксикозом не останавливали ни

решётки, ни наказания, ни, тем более, запрет воспитателя. Если кто-то кого-то хотел, то сопротивление желанного объекта оставалось вопросом времени.

В общем, выйдя за ворота интерната, я облегчённо выдохнула и мысленно перекрестилась. Пронесло!

Жизнь в деревне оказалась достаточно тяжёлой. Очень быстро я поняла, почему тёть Лена и дядь Лёва взяли опеку над подростком, а не удочерили, например, малышку из Дома малютки.

Во-первых, это выплаты. Не слишком большие, но, если экономить на опекаемом, можно и себе на кусок хлеба с маслом урвать.

Во-вторых, бесплатная рабсила. Что я только за последние пять лет не научилась делать – и воду носить, и печку топить, и навоз чистить, и полоскать бельё в холодной воде. Всего и не перечислить.

Кто жил в деревне, тот поймёт, что такое сельская жизнь. С утра школа, а после, до самого заката, бесконечные дела по хозяйству. А хозяйство у семьи Рамовых большое: коровы, козы, свиньи, куры, гуси. И всех накорми, напои, а коров и коз ещё и подои.

И огород! Большой. Соток двадцать пять. Посадить, прополоть, окучить, выкопать... И бесконечный полив...

Но самым ненавистным для меня был сенокос. Водни, оводы, слепни, б-р-р!

А вот самым любимым было – пасти коров и коз. Но мне

такая удача редко выпадала. Пас скотину сын Рамовых – двадцатилетний Митька. Здоровый бугай. Такой же здоровый, как и ленивый.

Митька нигде не работал, предпочитая сидеть у родителей на шее. Из всех его обязанностей и было-то, что следить за скотиной на пастбище. Но даже эту работу он выполнял кое-как. Хотя, казалось бы, что там сложного? Сиди да смотри, чтобы скотина в лес или ещё куда не ушла. Но, несмотря на молодой возраст, Митька уже был запойным пьяницей, и пить начинал прямо с раннего утра.

– Сонь-ка-а-а!

Опять?

– Что, тётъ Лен? – выскакиваю из коровника и мчусь к дому.

Эффект дежавю какой-то!

– Долго ты будешь возиться? – женщина опять поджигает губы, и меня повторно накрывает.

Это тоже уже было! Моя жизнь последние пять лет вообще сплошное дежавю – как заевшая пластинка. Крутит на одном месте, аж зубы уже сводит, а выскочить из колеи никак не можешь.

Но я смогла!

Мама недаром говорила, что я очень умная. Окончив школу почти на одни пятёрки, я поступила в институт на экономический факультет. На бюджет.

Институт находится в областном центре, общага предо-

ставляется бесплатно, плюс ещё мне на днях исполнилось восемнадцать. Поэтому тёть Лена уже считает меня отрезанным ломтём и, ничуть не церемонясь, выжимает последние соки.

– Неси Митьке обед! – она вручает мне небольшую корзинку. – И воды набери! Балбесина!

Последние слова женщина бурчит уже мне в спину, потому что я быстро ухожу от неё по тропинке.

До начала учебного года осталось две недели. Всего потерпеть-то чуть. И всё. Свобода! От тяжёлой работы, постоянного бурчания тёть Лены, недовольного взгляда дядь Лёвы, пьяного мата Митьки и вообще всей этой деревенской жизни. Как ни крути, а я человек всё-таки городской.

Митька спит. Это я слышу ещё на подходе. Ориентируясь на его богатырский храп, подхожу к небольшой рощице.

Ну да, так и есть. Лежит на траве, раскинув руки. Рядом валяется пустая бутылка. Ещё и часа нет, а он уже ноль-пять всосал. И рогатая скотина бесконтрольно разбрелась, кто куда.

Подхожу, аккуратно толкаю алкаша ногой.

– Мить! Я тебе поесть принесла.

Ноль эмоции.

– Мить! Тёть Лена обед передала! – говорю громче.

С тем же успехом.

Отставляю корзинку, присаживаюсь на корточки. Толкаю руками в грудь.

– Мить! Ты есть будешь, или я пош... Ох!

Мгновенье, и уже не Митька, а я лежу на траве. А этот ду-
болом навис надо мной и щупает везде, где только можно, –
смысле, нельзя! Нельзя!!! – и при этом даже глаза не открыл.

– Мить, ты что, сдурел? – визжу. – Отпусти, придурок! Я
тётъ Лене скажу! Помогите! А-а-а!

Кто б меня ещё слышал? В округе никого. Только я и этот
озабоченный сверху. Навалился своим телом, дышит пере-
гарищем в лицо, а руки так и шарят по мне.

– Отвали, козёл! – ору не своим голосом, когда он начи-
нает задирать юбку.

Бесполезно! Это как на стену орать. Но у стены и то моз-
гов больше, а Митька, к тому же, в дульку пьян.

Пыхтит как паровоз, слюнявит мою шею. А я даже по мор-
де ему дать не могу – мои руки зажаты над головой его сталь-
ной лапой. Вторая лапа задрала юбку уже почти до груди, и я
чувствую, как ниже поясницы зудит. Значит, сейчас случит-
ся непоправимое. Причём виновник сделает это, не выходя
из спящего режима.

– А-а-а!

Выворачиваю руки, поджимаю ноги и изо всех сил бью,
куда попаду.

И надо же, попадаю!

– А-а-а!

Это уже не я. Это Митька орёт. Свалился с меня и ката-
ется по земле, зажав руками то самое место, по которому я

попала.

– Сууука!.. Падла!.. Убью!..

Не жду окончания эпитетов в свой адрес. Со всех ног бегу подальше от поляны, подальше от пьяного дебила Митьки! Да вообще подальше ото всех!

Всё, с меня хватит! Выросла ягодка, пора сваливать. В общаге две недели проживу, упрошу заселить пораньше. Денег мало, но они есть. Так что до первой стипендии уж как-нибудь дотяну.

Залетаю в дом и, не глядя, кидаю в рюкзак шмотки. Собрать, по сути, нечего. Пара свитеров, школьная юбка и блузка – единственная моя форма, бельё, кеды на сменку. А, толстовка! Тоже в рюкзак пихаю.

– Это что здесь творится?

В комнату заглядывает тётъ Лена.

– Я уезжаю!

Не останавливаюсь и не оглядываюсь, продолжая метаться по комнате. Так, где мой шампунь и полотенце?

Обегаю тётъ Лену, в шоке вззирающую на мои действия, и мчусь в баню.

– Слышь, полоумная! Какая бешеная собака тебя укусила? – слышу вслед.

Не реагирую.

Во сколько у нас автобус до райцентра идёт? Пробегая с полотенцем в свою комнату, кидаю взгляд на часы. Через полчаса. Уф, успеваю!..

Натягиваю старые линялые джинсы и безразмерный растянутый свитер (видел бы кто из опеки, в чём я хожу!), закидываю за спину рюкзак. Так, карта и документы давно собраны, лежат на дне. Вроде, ничего не забыла.

Выскакиваю в зал.

Тётъ Лена стоит, уперев руки в крутые бока. Это она со мной разбираться собралась? Ясно.

Пока женщина открывает рот, выпаливаю скороговоркой:

– Знаете, тётъ Лен, я поеду в институт сейчас. Поживу в общежитии до начала учебного года. А Вы тут уж как-нибудь сами разбирайтесь со своими алкашами и лодырями. Спасибо за всё, и до свидания!

Выбегаю на улицу, лечу к автобусной остановке, а в спину несётся:

– Уедешь – можешь не возвращаться! Тварь неблагодарная!

Тётъ Лена на крыльцо вышла и орёт на всю улицу.

Останавливаюсь, оглядываюсь, спокойно улыбаюсь.

– Даже и не собиралась. С голоду буду умирать, но сюда больше ни-ни!

Разворачиваюсь и не спеша иду к остановке. Фу, отмучилась!

Прощай, деревенская жизнь! Здравствуй, студенчество!

Глава 1

Наконец-то! Ура! Завтра начнётся моя студенческая жизнь. Жду с нетерпением. И волнуюсь.

Если бы грызла ногти, реально, уже бы до локтей добралась. Каково оно будет – ходить по коридорам старого института, вливаясь в гудящий поток студентов, сидеть на лекциях, слушая голоса умудрённых опытом профессоров?

Страшно, интересно, волнительно!

Сегодня приехали девчонки, с которыми мы пять лет будем делить комнату. Сразу же познакомились. Нормальные оказались. И то радость! Зря я переживала, что задиры или зазнайки какие попадутся. Хотя с моим уровнем везенья такое вполне возможно.

Девчонки тоже, оказывается, волнуются. Ничего ж не знают, всё новое. В таком большом городе и без родителей – ух, красота! Взрослая жизнь бодрит!

На правах практически аборигена – как-никак уже две недели здесь живу – показала и туалет, и кухню, и душ. Объяснила, где стоит стиралка, и в какие дни ею можно пользоваться, во сколько закрывают входную дверь, и где находятся ближайшие магазины.

Я, когда приехала, сразу к коменде пошла. Нормальная тётка. Выслушала мои сбивчивые объяснения, вошла в положение сироты и разрешила заселиться раньше срока. В об-

щем, мне повезло. Вот бы маме так когда-то повезло, может, жизнь наша по-другому сложилась.

Мама...

Так, чего нюни распустила? Отставить слезоразлив! Держи хвост пистолетом, Соната! Выкрутимся!

– Сонь, – тянет Алина, разбирая привезённые вещи, – а чего у тебя имя такое странное?

Рассматриваю модную кофточку у неё в руках – эх, у меня такой в ближайшие годы не будет – и пожимаю плечами.

– Мама классическую музыку любила. Особенно "Лунную сонату" Бетховена. Вот и назвала так.

Рита заливисто смеётся.

– А прикинь, у тебя фамилия была бы Бетховена.

Она уже практически сгибается пополам.

– Ой, не могу!.. Соната Бетховена...

Заражает весельем нас, и вот мы уже втроём ухохатываемся, подвывая от смеха.

– Уф, насмешила... – отсмеявшись, выдыхает Алина.

Ладошками вытирает слёзы и, небрежным жестом отбросив за спину длинную светло-русую прядь, вешает на плечики очередное платье и суёт его в шкаф.

– Сонь, а фамилия у тебя всё-таки немецкая?

– Не знаю, – тяну задумчиво.

У меня дилемма – надеть завтра блузку и юбку, или выдавшие виды джинсы и свитер-лапшу. Вроде праздник – первое сентября. А, с другой стороны, я ж не школьница уже, а сту-

дентка. Да и удобнее в джинсах. А в юбке я больше на заучку похожа. Ай, надену джинсы и блузку. Вроде бы студентка, но всё равно нарядно.

– Маминого деда звали Андрей Лиёсс, – продолжаю отвечать на вопрос Алины. – Когда пленных немцев гнали через наш город, мой дед был среди них. Он тяжело заболел, и его бросили. Думали, умрёт. Но моя прабабушка выходила его, а потом они поженились. Дед умер, когда мама ещё маленькая была, но она запомнила, что он был абсолютно рыжий и по-русски говорил без акцента. А разве немцы рыжие бывают?

Алина неопределённо пожимает плечами.

– Кто их знает? Вот ты на немку совсем не похожа. Хотя, скорее всего, в прадеда своего пошла.

Она смеётся, а я смущаюсь и заправляю за ухо рыжий локон.

– Вообще-то, я в маму. У неё тоже были рыжие волосы и зелёные глаза. Только она вся в веснушках была, а у меня ни одной нет, даже весной.

Рита слушает нас в пол-уха, разглядывая что-то в окне и теребя кончик каштановой косы.

– Девчонки, – она оборачивается к нам и шепчет, сверкая светло-кариими глазами, – смотрите, какой красавчик к нам идёт!

Подходим к окну и выглядываем из-за тюля.

От ярко-жёлтой машины отходит парень и неторопливо направляется к общаге. Походка хозяина жизни. Светлые во-

лосы треплет ветерок, взлохмачивая модную стрижку. Глаза вроде светлые, с третьего этажа не видно, но самоуверенную улыбку "я знаю себе цену", вижу хорошо. Синие джинсы, белая футболка с принтом и белоснежные кеды. Наверняка из тех, кто считает, что весь мир вертится вокруг них. Знаю таких типчиков. Связываться с ними – себе дороже. Наступят, раздавят и даже не заметят.

– Какой классный! – восторженно вздыхает Алина, и в этот момент парень поднимает голову и смотрит... прямо на нас.

С тихим визгом соседки отпрыгивают от окна, а я не успеваю сообразить и, как дура, пялюсь на этот образчик богатой и сытой жизни.

И вдруг он мне подмигивает и машет, указывая жестом на машину.

Я мгновенно краснею и отталкиваюсь от окна. Дурак! Сам катайся на своей тачке, а нам и здесь неплохо.

Девчонки, между тем, тихо хихикают и обсуждают, настолько ли хозяин соответствует своей машине.

Подхожу к своей кровати. Сажусь. Щёки до сих пор горят. Тру их ладонями.

– Ты чего, Сонь? – Алина выгибает тонкую бровь и насмешливо прищуривает голубые глаза. – Понравился красавчик?

Чувствую, что вспыхиваю с новой силой. Злюсь.

– С чего бы? Видели мы таких мажоров. Толку с них...

Одни блёстки.

Рита фыркает.

– Да ты что, Сонь? Такой экземпляр – и тебе неинтересно?
– и добавляет с мечтательной улыбкой: – Смотри, может, это твоя судьба.

Скептически улыбаюсь.

– Серьёзно?! Судьба – это когда тридцать билетов выучил, а на экзамене попался тридцать первый.

– Не, – парирует Алина, – это не судьба, это жопа!

Девчонки залиvistо хохочут, а я расслабляюсь.

Что это со мной, в самом деле? Первый раз вижу парня, и вдруг такая реакция?

Успокоившись, девчонки раскладывают по полкам последние вещи.

– Есть хочу страшно, – стонет Алина.

– И я, – согласно кивает Рита. – Сонь, пошли на кухню.

Э-э-э...

– Девчонки, вы идите, – стараюсь говорить непринуждённо, – а я не ем после шести.

Признаться, что мой лимит почти себя исчерпал, стыдно. До первой стипендии ещё больше месяца, поэтому экономлю на всём, даже на еде. Почти все сбережения ушли на покупку б/у смартфона с выходом в Интернет. Хотела старый кнопочный сдать хоть за копейки, но такой раритет никому не нужен.

– Так ещё пять, – делает удивлённое лицо Рита.

– Значит, после пяти, – небрежно жму плечами. – Вы идите, а я пока расписание проверю. В чат уже сбросили, а я ещё не смотрела.

Девчонки переглядываются. Рита что-то шепчет Алине. А потом обе подходят, хватают меня с двух сторон и резко дёргают вверх.

– Э-э, вы чего? – пишу на выдохе и пытаюсь вырваться.

– А ну, пошли! – командует Рита и перехватывает меня за запястье.

Алина берёт с полки сковороду, кладёт туда несколько картофельных клубней, нож и пихает подмышку бутылку масла.

– Талант должен быть голодным, а студент – сытым! Иначе вместо знаний в голове будет плавать сплошной кисель! – заявляет она с видом знатока. – Пошли, картошки нажарим, наедемся от пуза. Мне родичи целый пакет наложили. Я что, зря пёрла из деревни?

Идём на кухню. Мысленно возношу благодарность Кому-то там наверху за таких классных соседок. С такими девчонками, глядишь, и до стипендии доживу.

Весело болтая, почти доходим до кухни.

– Алин, ты соль взяла? – спрашивает Рита.

– Блин, забыла, – Алина закатывает глаза. – Сонь, будь другом, сбегай, а?

Молча киваю и поворачиваю обратно.

Беру соль, опять чешу на кухню и вдруг чувствую зуд. Бе-

жать! Ускоряюсь.

Прямо перед носом распахивается дверь какой-то комнаты. Резко отскакиваю. В коридор с гоготом вываливаются два парня.

– Эй, осторожней, – бурчу негромко, но они слышат и переводят взгляды на меня.

– Вау, какая у нас тут рыжуля! – скалится невысокий полноватый блондин.

– Птичка, мы тебя не зашибли? – с дурашливой улыбкой интересуется его дружок – высокий и, как жердь, худой.

Прямо Штépсель и Тарапу́нька! Дядь Лёва любит такое старьё смотреть, поэтому видела пару выступлений этих комиков. Я бы и сейчас посмеялась, но отчего-то мне не смешно, а страшно.

– Сам ты птичка! – огрызаюсь и пытаюсь просочиться мимо.

Блондинчик резко дёргает меня за руку, вынуждая остановиться.

– Руку убрал! – смотрю ему прямо в глаза.

– Слышь, Тарас, тебя, кажется, только что петухом обозвали.

Парень, похожий на Тарапу́ньку, – Тарас? Ха!

– Я так не говорила. Но мне твой вариант нравится больше! – держусь до последнего.

Меня и не так в детдоме задирали. Поэтому оттуда вынесла одно жизненное кредо – если не дашь сдачи сразу, съедят.

Правда, надо понимать, когда давать сдачи, а когда – бежать. С беготнёй пока погожу, а то вот буквально минуту назад не в ту сторону побежала, и – нате вам здрасьте! – неприятности.

– Чё ты сказала? – щерится Тарапунька.

– Хочешь, угадаю, как тебя зовут? – не реагирую на выпад, смотрю только на блондина.

– Ну?.. – гадливо улыбается он.

– Саша.

Ну, а что? Штепсель-Шурик-Саша. Логично же!

– О, да ты у нас ещё и Ванга! – восклицает он и кидает непонятный взгляд на Тараса.

– Ща мы твоему языку другое применение найдём! – цедит тот и хватается меня за другую руку.

Не успеваю ничего сообразить, как меня начинают затаскивать в комнату.

– Пустите! – визжу, понимая, что ошиблась со стратегией.

Вместо того, чтобы ставить каких-то придурков на место, надо было бежать, только в другую сторону.

Во мне метр пятьдесят четыре роста и сорок два килограмма веса, поэтому два здоровенных лба (ладно-ладно, не совсем здоровенных, но для моих-то габаритов – да!) с лёгкостью зашвыривают меня в открытую дверь.

Хватаюсь за косяки, не давая протолкнуть себя дальше, и без остановки визжу.

– Саня, заткни ей рот! – слышу сквозь собственный визг.

– Да пошёл ты... Лучше руки ей отцепи! Впилась как клещ! – пыхтит Саня и пытается разжать мои пальцы.

– А-а-а! Помогите!

Да блин, оглохли все, что ли? Или всем по фиг? Второе вероятней.

Чувствую, что руки слабеют, и я постепенно сдаю позиции. Получив ощутимый тычок в спину, вскрикиваю, разжимаю пальцы и с размаху влетаю в комнату.

Это конец!.. Сейчас они войдут следом, и всё!..

Сжимаюсь как пружина и разворачиваюсь, чтобы подороже продать свою невинность... и застываю.

Дверь открыта нараспашку. В коридоре, прямо напротив входа, засунув руки в карманы джинсов и вальяжно покачиваясь с пятки на носок, стоит тот самый мажор, за которым мы с девчонками следили из окна.

– Вы чё, перваки, вконец охамели?

Смотрит на парней расслабленно и тянет с ленцой, но у меня впечатление, что это Каа сейчас смотрит на бандерлогов. Давит на них своей мощью. Не внешней, хотя он достаточно высокий и жилистый, а какой-то внутренней, что ли. От этой скрытой угрозы вдруг становится нечем дышать.

Парни резко схлопываются, мнутя.

– Да мы пошутить хотели, – гундосит Тарас, а сам жмётся ближе к стене.

Блондинчик вообще пытается прикинуться ветошью и не отвечивать.

– Эй, малая, парни пошутили. Зацени?

Он поворачивается ко мне, а меня уже реально трясёт, я сама себя бандерлогом ощущаю под этим взглядом. Тяжёлый, подавляющий. Светлые брови на переносице сведены, глаза по цвету грозовое небо напоминают. Сейчас только молнии полыхнут, и землю накроет конец света.

– Вали отсюда, если не хочешь стать начинкой для сэндвича, – грозно цедит блондин.

– Чего? – растерянно хлопаю глазами.

– Того!

Он внезапно усмехается, оглядывая меня с головы до ног.

– Или ты у нас ещё ромашка и не знаешь, что делают половозрелые особи за закрытой дверью?

Сначала не понимаю, о чём говорит мажор, но, когда до меня, наконец, доходит, вспыхиваю, резко отвожу взгляд и боцком пробираюсь к выходу. Не поднимая головы, проскальзываю между парнями и со всех ног мчусь на кухню.

– Эй, ромашка! – несётся в спину. – А спасибо?

Торможу только у дверей кухни и оглядываюсь. Придурков не видно, а мажор всё там же. Стоит, даже шага в сторону не сделал. Руки в карманах, взгляд пристальный, изучающий.

Сглатываю комок в горле. Ну точно Каа! Чего ждёт-то?

– Спасибо! – шепчу одними губами и ныряю в кухонный проём.

Подальше от всяческих Штепселей и Тарапунк!

И ещё дальше от завораживающего взгляда этого мажора!

Глава 2

На кухне столпотворение. Шум, гвалт. Какие-то девчонки прямо у входа беззлобно переругиваются с парнями. Все раковины и газовые плиты заняты. Там что-то моется, споласкивается, варится, жарится, шипит.

Почти все студенты заселились сегодня после обеда, поэтому и собрались на кухне практически одновременно.

Обвожу взглядом помещение. А где мои девчонки? А, вон! На подоконнике пристроились, картошку чистят.

Рита оглядывается. Завидев меня, машет рукой.

– Сонь, иди сюда!

Подхожу.

– Мы очередь заняли, – сообщает Алина. – Сейчас парни макароны доварят, мы следующие.

Киваю. Реагировать пока не могу. Всё ещё в шоке от произошедшего.

– Сонь, а что у тебя с лицом? – Рита замечает моё состояние, вглядывается в глаза. – Случилось что?

– Да так, – выдавливаю из себя. – На придурков нарвалась. Норм уже!

Сообщать о заступившемся за меня мажоре почему-то не хочу.

– Ясно, – тянет Рита и прищуривается.

Не верит. Ну да, даже невооружённым взглядом видно,

что я не совсем в адеквате. Тело ещё немного потряхивает. Да и выражение лица, небось, очумелое. Надо срочно взять себя в руки! Соната, соберись!

Откуда-то сбоку подваливает парень. Русые волосы, модная стрижка, весёлый взгляд карих глаз, слегка ленивая улыбка завязанного сердцееда.

– Эй, девчонки! Вы специально втроём ходите, чтобы выбор был: светленькая, тёмненькая и рыженькая? Может, познакомимся? Я – Артём.

Девчонки сразу принимают игру, улыбаются, представляются.

– Рита.

– Алина.

Парень выжидательно смотрит на меня.

Молчу. Не собираюсь знакомиться.

Пауза затягивается.

– И..? – он вопросительно выгибает бровь.

– Соня, – выдаю с неохотой.

– Софья, значит, – растягивает губы в улыбке. – Или Софья?

– Соната, – влезает с объяснениями Алина, переключая внимание на себя.

– Интересное имя. Необычное, – удивлённо оглядывает меня Артём.

Один из парней, стоящих неподалёку в компании, слышит разговор и оглядывается.

– Как-как тебя зовут? Соната? А споёшь нам свою песенку, Сона-а-а-та? – тянет насмешливо.

Окидываю парня нечитаемым взглядом. Не реагирую. Давно привыкла, что на моё имя у всех странная реакция. В том числе, и такая.

– Соната – это музыкальное произведение, а не песня. Эх ты, деревня!

В разговор влезает симпатичный высокий брюнет, скорее всего старшекурсник. Он неспешно кладёт руку на плечо нахалу, заставляя его замолчать и внезапно подмигивает мне.

– Ты нам лучше сыграй.

– Давай я сыграю! – вступается Алина, берёт с подоконника сковородку и демонстративно ею поигрывает. – Только я больше к спорту тяготею, поэтому играть буду в настольный теннис.

Парень выставляет вперёд ладони, смеётся. Глаза светло-серые, но на контрасте с чёрной рваной чёлкой смотрятся почти как голубые.

– Сдаюсь, сдаюсь, красавица! Пожалей, не убивай.

Алина небрежно пожимает плечами.

– Чего идиотов жалеть? Одним меньше – кислорода больше.

Ох, это она зря!... Вижу, как у её оппонента глаза темнеют.

– Слышь, детка! За языком-то следи!

– А то что? – не уступает Алина.

– А то найду ему другое применение, – рычит парень.

– Игнат, не перегибай, – осекает брюнета Артём и поворачивается к Алине. – А ты, действительно, выбирай выражения!

Девушка фыркает и демонстративно откидывает за спину прядь волос.

Хочу вмешаться, но тут нас отвлекает Рита.

– Может, хватит уже? Конфорка освобождается. Пошли, а то провороним.

Алина поджигает губы. Хочет продолжить перепалку? Этого ещё не хватало. Итак многовато неприятностей для одного дня. Тихонько подталкиваю её к газу. Увожу с линии огня.

– Пошли!

Алина неохотно отводит взгляд от парня. Отходим. Оглядываюсь. О! А он всё смотрит. Не на меня – на Алину.

Ох, только бы врагов себе не нажить. Нам ещё долго тут обитать. Не очень хочется пять лет бегать и по углам прятаться.

– Алин, ну что ты с ним сцепилась? – шепчет Рита и ставит сковороду на огонь.

– А чего он? Самым умным себя считает? Так и поумней видали, – фырчит девушка.

– Девчонки, успокойтесь. Я вообще не обращаю внимания на такие глупости, – пытаюсь утихомирить бурю. – Меня как только не обзывали. Что в детдоме, что в деревне...

Морщусь. Вспомнила, как уезжала учиться. Что этому

способствовало и как проводили. От последнего воспоминания хихикаю.

– Сонь, ты чего? – Рита смотрит с удивлением.

– Да так, – улыбаюсь. – Вспомнила, как жила раньше.

– И как? – это уже Алина.

Она вроде с нами, а вроде и нет – периодически поглядывает на брюнета, который стоит всё в той же компании и о чём-то оживлённо болтает с Артёмом.

Хмыкаю про себя. Алина, по ходу, кое на кого запала. Ну да, точно! Прядку за ухо заправила и опять в ту сторону зыркнула. А вид-то какой безразличный делает!

– Сонь, ты где там потерялась? Соль давай, – выводит из раздумий голос Риты.

– А? Да здесь я. Просто вспомнила кое-что.

Отдаю солонку, а сама краем глаза наблюдаю за Алиной и тем парнем. Смешно. То он на неё смотрит, то она – на него. Что-то у этих двоих явно будет. Дело ясное, что дело тёмное!

Неожиданно по кухне расползается какое-то волнение. Парни оглядываются, а девочки улыбаются и перешёптываются.

– Слышали, Горыныч в общежитии?! – восторженно пищит кто-то.

Короткостриженная блондинка со штангой в ухе закатывает глаза:

– С ума сойти! К Элинке приехал? Так они же, вроде, разбежались.

– Ничего подобного. Не разбегались они. Элинка специально такую сплетню пустила, чтобы позлить его, – помещивая пельмени, хихикает толстушка в спортивном костюме.

– А чего он тогда в комнате с айтишниками тусуется, а не у неё? – хмыкает девица с разноцветными волосами, сливая в дуршлаг макароны.

Отворачиваюсь. Не знаю, кто такой Горыныч, поэтому неинтересно. Гораздо интереснее жарящаяся картошка. Слюнки уже текут, как есть охота!

Переключаюсь на ожидание еды, но следующая фраза заставляет подпрыгнуть.

– Ребята сказали, он уже каким-то первакам люлей наковырял. Эти придурки сидят теперь в комнате, боятся нос высунуть. Причём, не признаются, за что получили.

– Ну, Горыныч без причины руки марать бы не стал. Получили, значит, за дело. И вообще, нашли, кому дорогу переходить. Он же закопает и забудет, где.

Боюсь повернуться, но, кажется, это голос блондинки со штангой.

– Ну, пока же никого не закопал.

– А кто это вообще? – в разговор вклинивается ещё одна девушка.

Перестаю дышать. Мне тоже очень интересно.

– Ну ты даёшь, Маш. Это же Егор Горин, его все знают. С ним лучше не связываться. Золотая молодёжь. Родаки у него – олигархи какие-то. Вроде как, в нефтянке. Так что,

парень при бабле. Да плюс чёрный пояс по чему-то там. То ли каратэ, то ли ещё что, я не разбираюсь. Короче, защищает честь нашего института на разных соревнованиях, призовые места берёт. Говорят, даже золото возит.

– А почему не связываться?

Пискля не отстаёт, а я аккуратно кошусь в сторону симпатичный блонды. Что она ответит?

– Потому что такие, как мы, ему на хрен не сдались. Пользует и выкинет через неделю, – холодно отрезает та.

– Почему? – не сдается пискля.

Хмыкаю. Потому что он – мажор!

Все поворачиваются ко мне. Ой... Я что, вслух это сказала? Краснею, бледнею. Кажется, кое-чему пора начинать зудеть.

Но внезапно блондинка издаёт короткий смешок.

– Вот, Машка, даже перваки его знают. А ты со своим Дениской совсем от жизни отстала.

Фух! Кажется, пронесло.

– Картошка готова. Сонь, забирай масло и соль, а я понесу сковороду, – командует Рита. – Алинка, хватит глазами стрелять, пошли! Семеро одного не ждут, ляжешь спать голодной.

Ого! А я думала, Рита чисто картошкой занята, не видит ничего.

Алина хватается со стола нож и масло, что-то бормочет и быстро уходит вперёд. Обиделась. Беру соль и вслед за Ритой

выхожу из кухни.

– Зачем ты так, Рит? – тихонько бурчу, глядя вслед быстро удаляющейся фигурке Алины.

– Ты о чём? – Рита пожимает плечами и виноватой при этом не выглядит.

– Ну как, о чём? Чего ты на Алину наехала? – стараюсь говорить потише, чтобы нас никто не услышал.

– А мы что, ждать будем, пока она там нафлиртуется? Сама ж первая есть хотела.

– Да ладно тебе. Могла бы не так резко. Видишь же, она обиделась.

– Сонь, не переживай. Поест и отойдёт.

Закатываю глаза, а Рита веселится.

– Подумаешь, парня симпатичного заприметила. Я вот, может, тоже кое на кого внимание обратила. Но я же не семафорила об этом на всю кухню.

Удивлённо поворачиваюсь к Рите и открываю рот, чтобы задать очевидный вопрос, но вижу, как в другом конце коридора открывается дверь, и появляются какие-то ребята, поэтому ускоряю шаг и подгоняю соседку:

– Ладно, пошли быстрее, пока и нас без ужина не оставили.

Не хочу ни с кем сталкиваться, особенно после странных рассказов о Горыныче.

Заходим в комнату. Алина уже сидит за столом и с остервенением режет хлеб.

– Алин, ты обиделась? – осторожно спрашиваю, усаживаясь рядом.

– С чего бы? – зло зыркает она и швыряет оставшийся хлеб в пакет.

Рита ставит сковородку, усмехается и кидает на соседку мимолётный взгляд.

– Ладно тебе дуться. Мы просто очень голодные. Извини, если грубо вышло, – неожиданно миролюбиво говорит она и вручает нам вилки.

Алина фыркает, но взгляд смягчается, а я улыбаюсь. Ну, может, ужин её немного задобрит.

Торкаю вилку в картофельную дольку, откусываю хлеб. М-м-м! А жизнь-то налаживается.

Первое время едим молча, только вилки скрябают о дно сковороды.

Когда первый голод утолён, вспоминаю брошенную Ритой фразу.

– Рит, колись, кто это там тебе приглянулся?

Та замирает с недонесённой до рта вилкой и театрально закатывает глаза.

– А-а, Сонь, давай я тебе сразу список составлю, чтобы записала!

Она смеётся, но потом наклоняется над столом и шепчет:

– Артём. Он такой интересный.

– Интересный, и всё? – интересуется Алина.

– А чего тебе ещё? Или думаешь, глянула один раз и уже

влюбилась? – недовольно фырчит Рита.

– Ну... – мечтательно улыбается Алина. – Иногда бывает и так. Ну а тебе, Сонь, кто-нибудь понравился?

Девчонки смотрят на меня, а я закусываю изнутри щёку и цепляю на лицо безразличное выражение.

– Мне? Не-а, никто.

Но почему-то перед глазами всплывает лицо мажора. Светлые волосы, которые треплет ветер, сведённые на переносице брови, глаза цвета грозового неба, и этот взгляд – пристальный, изучающий.

– Ну-ну, – улыбается Рита. – Так мы тебе и поверили. Колись, давай.

– Никто, – упрямо отвечаю, разглядывая картошку.

– Да уж, как же! – подначивает Алина. – По лицу вижу, что врёшь. Давай, признавайся.

– Да не в чем мне признаваться, – отмахиваюсь. – Я есть хочу, а вы всё глупости какие-то спрашиваете.

Хватаю вилку, накалываю дольку картошки и быстро запихиваю в рот. Всё! Когда я ем, я глух и нем.

Но мысли о Егоре Горине не дают покоя.

Почему я думаю о нём? Почему он наказал тех перваков? И почему так странно на меня смотрел?

Глава 3

Утром подскакиваю раньше будильника. Ночью долго не могла уснуть, но тело будто не чувствует усталости. Внутренний мандраж такой, что даже пальцы начинают неметь.

Линейка в девять пятнадцать. Через несколько часов я стану настоящей студенткой!

Тихонько, чтобы не разбудить девчонок, встаю, надеваю халат и иду в душ. Он на первом этаже, один на всю общагу. Не очень удобно, но уж лучше, чем ничего.

Общага ещё спит, хотя на лестнице на втором этаже встречаю поднимающуюся навстречу такую же раннюю пташку.

Короткостриженная стройная брюнетка. Из-под воротника халата на шею ползёт тату. То ли змеи, то ли языки пламени. Смело. Я бы не решилась.

– В душ? – спрашивает брюнетка, окидывая меня быстрым взглядом.

– Ага, – киваю.

– Там регулятор не работает, – она недовольно кривит губы. – Вода едва тёплая льётся. За лето сломали, идиоты безрукие.

Я здесь живу уже две недели. И о том, что регулятор сломан, девчонок предупредила ещё вчера.

– Там на подоконнике лежат пассатижи, – говорю. – Берёшь и ими вправо подкручиваешь.

– Спасибо, – благодарно кивает брюнетка. – А я думала, ты с первого курса. Лицо незнакомое.

– С первого, – отвечаю. – Только чуть раньше приехала, с душем уже познакомилась.

Хмыкаю. Вспомнила, как первый раз чуть не завизжала, когда на меня ледяная вода полилась.

– Я – Милана. Второй курс, менеджмент.

– А я на экономическом. Соната. Можно просто Соня.

– Ого, какое имя необычное! Твоя мама явно заморочилась.

Молча киваю и прячу взгляд. Не буду объяснять. Тема о маме болезненная, а у меня сегодня праздник – первый учебный день.

Милана поднимается на несколько ступенек и оборачивается.

– Я живу в тридцатой. Если что надо, заходи.

Улыбаюсь.

– Ты тоже. Я из двадцать третьей.

В душе холодно. Быстро раздеваюсь, регулирую воду и моюсь.

Закручиваю волосы в полотенце и накидываю халат. Б-р-р! Замёрзла. Но всё равно счастлива.

В деревне баня тёплая, но пока воду и дрова натаскаешь, пока печку натопишь – уже и мыться сил нет. А в городе хорошо – кран открыл, водичка полилась. Ну и что, что в душевой холодно. Если мыться после кого-то, то она успеет

прогреться.

Довольная, поднимаюсь на этаж, иду по коридору.

Самые ответственные уже встали. Кое-где хлопают двери. Кто с чайником идёт, кто в туалет мчится с полужакрытыми глазами, кто, как я, — в душ.

Прохожу мимо комнаты, в которую меня вчера чуть не за-тащили. Невольно кошусь на неё и жмусь к противополож-ной стене. Дверь приметная, даже в темноте не перепутаешь — на ней звезда нарисована. Интересно, что это означает?

Слышу скрип справа, но обернуться не успеваю.

Бам!

— Ой!

Лечу куда-то назад, из глаз сыплются искры. Ощутимо бьюсь об пол тем самым местом, которое обычно предупре-ждает об опасности, но сегодня видимо проспало.

— Бля, ромашка! Я тебя не убил?

Голос знакомый, но сквозь звон в ушах пробивается туго.

Тру ладонью лоб. Вот блин!

Дышу, пытаюсь сообразить, что я и где я. Ладно, ладно, это я загнула — что я и где я, помню. Но всё равно больно!

Открываю глаза.

Ошизеть!

Я сижу на полу, а напротив стоит мажор. В серых глазах растерянность. Светлые вихры немного всклокочены, фут-болка помята, будто он в ней спал.

— Жива, говорю?

Спрашивает, а сам взгляд куда-то ниже переводит. Ме-едленно так. И голос хриплый.

Опускаю глаза, и кровь к лицу приливает – полы халата от падения разъехались в стороны, и я сижу практически голая.

Ну не совсем, конечно. Бельё на мне есть. Но мне-то от этого не легче!

Тоненько пишу и пытаюсь стянуть полы вместе.

Где-то хлопает дверь, и коридор наполняется шумом мужских голосов.

Мажор кидает взгляд мне за спину, чертыхается, а потом хватает меня подмышки, и я взмываю вверх.

Открываю рот. Слов нет, одни эмоции. Мажор навис надо мной, такой высоченный. И стоит так близко, что мы почти соприкасаемся.

Полотенце с головы, видимо, слетело, потому что в лицо лезут мокрые пряди. Одной рукой пытаюсь их убрать, другой намертво сжимаю на груди края халата.

– Слышь, ромашка, – хрипит Горин, – ты так по общаге не ходи. Слишком много тут придурков – любителей срывать цветочки.

Говорит, а сам, не отрываясь, на меня смотрит. И в глазах закручивается что-то тёмное и до жути пугающее.

– Я из душа, вообще-то... – оправдываюсь зачем-то.

Ой, что-то ему ещё хуже стало. Вижу, как на шее жилка начинает биться. Быстро-быстро. А глаза абсолютно дурные становятся.

И вдруг он с силой втягивает в себя воздух, протягивает руку, убирает с моего лица мокрую прядь, сглатывает и наклоняется, одновременно притягивая меня за затылок.

Ой, это что... он меня что... э... целовать собрался?

Ну нет, мы так не договаривались! Резко ныряю под руку и выворачиваюсь.

Мне ещё мажоров всяких не хватало! Пусть вон, Элинку свою целует! Или у кого он сегодня ночевал? Куда, вообще, коменда смотрит, или для мажоров у нас отдельные правила?

Отскакиваю в сторону. Сверлю его гневным взглядом.

– Ты что, совсем? – возмущённо фырчу.

Горин немного дёргается, как будто приходит в себя. Взгляд проясняется. Он убирает руки в карманы, а на лице опять появляется наглая ленивая улыбочка.

– Я же сказал, в таком виде по общаге не ходи. Ещё наткнёшься на какого-нибудь придурка.

Так и хочется ответить: ага, ага, как раз на их предводителя только что наткнулась!

Но молчу, ибо – чревато. Только недовольно пыхчу и сурово свожу брови.

– Беги, ромашка! И вещи свои не забудь.

Он кивает на пакет и полотенце, а глаз с меня всё равно не сводит. Станный он какой-то!

Поднимаю своё добро с пола и обхожу стороной главного придурка. Почти обошла.

– Я не ромашка! Меня зовут Соната!

Мажор усмехается.

Ой, дура! На фига ему моё имя? Мне что, мозги дверью вышибло, а я не заметила?

Разворачиваюсь и бегу в комнату, сломя голову. Залетаю, захлопываю дверь и выдыхаю.

Девчонки уже проснулись. Смотрят на меня ошарашенно. Алина с расчёской в руках застыла, а Рита полотенце чуть не уронила.

– Сонь, что опять? Пристал кто-то?

Алина смотрит встревоженно.

Машу головой. Нет!

– А чего неслась, будто за тобой черти гнались? – спрашивает Рита.

– Ни... ничего.

Глубоко вздыхаю и иду одеваться. Стараюсь на девчонок не смотреть, но спиной чувствую напряжённые взгляды.

Не выдерживаю, поворачиваюсь. Смотрят на меня выжидающе.

– Ну что? Норм всё, сказала же! По лбу дверью получила. Сама виновата. Зевать меньше надо.

Не верят.

Театрально закатываю глаза, понижаю голос и уже более спокойным тоном объясняю:

– Шла по коридору, засмотрелась. А там кто-то из комнаты выходил, вот в лоб мне дверью и зазвездил. Ну, я и побежала. Чтобы морали не выслушивать!

Ну а что? Даже и не соврала.

– Тебя в коридор одну отпускать опасно.

Алина осуждающе качает головой и снова поворачивается к зеркалу, а Рита в этот же момент улыбается и вдруг мне подмигивает.

Тарашусь на соседку. А она большой палец вверх выставляет и бровями так многозначительно играет.

Вопросительно поднимаю в ответ свою бровь и дёргаю подбородком. Что?

– Девочки! – с обидой в голосе тянет Алина. – Если я не стою к вам лицом, это не значит, что я ничего не вижу в зеркале.

Перевожу на соседку испуганный взгляд и вижу её отражение.

– Или вы мне сейчас говорите, что за пантомиму устроили, или я с вами больше не разговариваю.

А я что? Я ничего!

– Это всё Рита! Алин, я правда не знаю, чего она мне семафорит, – пишу жалостливо.

Вдвоём переводим вопросительные взгляды на виновницу.

Рита вздыхает.

– Ну, девчонки! И так же всё понятно.

– Мне – нет! – восклицает Алина.

– Мне тоже, – поддакиваю.

– Я думаю, наша Сонька что-то от нас скрывает, – пояс-

няет Рита. — Точнее, кого-то.

Обалдеваю. Молча моргаю и открываю рот.

— Со-о-онь? — Алина упирает руки в боки и поворачивается ко мне.

— Я ни при чём! — тут же отрешиваюсь. — Это всё Риткины фантазии. Меньше надо любовные романы читать.

— Сонь! — уже в два голоса и требовательно.

Да это какая-то диктатура пролетариата!

Гнусь под давлением двух пристальных взглядов и, в итоге, сдаюсь.

Рассказываю, что случилось вчера и сегодня. Девчонки зажимают рты руками. Алина пищит, Рита в блаженной истоме закатывает глаза.

— Офигеть, Сонька! Ну ты даёшь! Такого парня в первый же день завлекла! Он такой классный! А тачка какая! И небедный! А я же говорила, что он твоя судьба!

Пищат то поочерёдно, то вместе. Подбегают, обнимают, хватают за руки.

А я хватаюсь за голову.

— Девочки, стоп! Остановитесь!

Но бесовщина продолжается ещё какое-то время.

Наконец, успокаиваются. Уф! Можно дышать.

— Девочки, послушайте! — стараюсь донести мысль понятно. — Меня он не интересует.

После секундного ступора первой отмирает Рита.

— Это как? Девчонки на кухне вчера о нём столько жуж-

жали, что слюной весь пол закапали, а тебя "не интересуешь"? – передразнивает она, а я пожимаю плечами.

– Я учиться приехала, а не романы крутить.

– Сонь, ты нормальная? – Алина смотрит недоумённо. – А как же романтика, чувства, бабочки в животе, к концу концов?

– Поцелуи под луной, жаркие признания, – вторит начитавшаяся любовных романов Рита.

Отрицательно мотаю головой.

– Тебе восемнадцать! – восклицает Алина. – Тебя это должно интересовать на подсознательном уровне.

Может и должно. Но у меня перед глазами встаёт мама. До чего её довели пресловутые бабочки в животе? Нет, не хочу я такого.

Я не против детей, но остаться в двадцать лет без всяческой поддержки и с младенцем на руках? Не получить образование, жить в чужом доме и горбатиться за копейки, пытаюсь прокормить себя и ребёнка? А потом умереть от банального воспаления лёгких, потому что у тебя не было денег на тёплую куртку, и обречь дочь на статус сироты?

– Нет, я не хочу повторить мамину судьбу.

Шепчу и закусываю губу. На глаза наворачиваются слёзы. Девчонки вроде бы что-то понимают. Тихо шушукаются за спиной. А потом меня обнимают две пары тёплых рук.

– Ну ладно, ну что ты, не плачь! Ну что мы такого сказали? Ну, прости нас!

– Мы дуры, Сонь! Просто хотели порадоваться за тебя. Кто ж знал, что ты вот так...

Рыдаем в три голоса. Ох, мы точно дуры! Сначала ржём как лошади, а через пять минут рыдаем, как ненормальные. Какой-то вечный ПМС.

– Так, девочки, успокаиваемся. Нам на занятия, а мы выглядим теперь как после перепоя – опухшие и отёкшие, – первой отстраняюсь я.

– Ой, Сонь, ну кто поверит, что мы алкаши? – усмехается Алина, бежит к зеркалу и в шоке застывает. – Ошизеть! Ну и рожа! Я срочно в душ.

– Я с тобой, – пищит Рита.

Девчонки хватают пакеты, бегут к двери, но у входа останавливаются.

– Сонь, – тянет Алина, – это ничего, что мы тебя бросаем? Просто...

– Идите уже, – машу на них рукой и улыбаюсь. – А то мы так точно опоздаем.

– Мы быстро! – кивает Рита, и девчонки убегают.

Сижу одна. Голова кипит. Мысли водят хороводы.

Мамин пример, конечно, тот ещё довод думать об учёбе и не забивать мозги парнями. Но в памяти постоянно всплывают глаза цвета грозового неба, и взгляд – пристальный, изучающий, тяжёлый.

Вздыхаю и начинаю расчёсывать густые подсохшие пряди.

Держу в руках локон и вижу, как сильная мужская ладонь

отводит прядь от лица, скользит к затылку и притягивает меня к себе. Так медленно, осторожно. И взгляд меняется. Становится глубоким, притягивающим, манящим. И губы, такие красивые, с чувственным изгибом, уже не расплываются в наглой ленивой ухмылке, а приближаются, чтобы...

Сглатываю и трясую головой. Нет, нет, нет! Мне этого не надо! Не надо, я сказала!

Трогаю шишку на лбу. Маленькая, но болючая. Мой мозг явно повреждён, раз в голову такой бред лезет! Об учёбе надо думать, об учёбе!

Гоню от себя глупые мысли и быстро собираюсь. Джинсы, блузка, кеды, рюкзак. Я готова.

Тут и девчонки приходят.

– Девочки, собирайтесь. Времени в обрез.

– Сонь, а ты чего, краситься не будешь? – удивляется Алина.

– Если что, мою косметику бери, не стесняйся, – добавляет Рита.

– И мою, – кивает Алина.

Улыбаюсь.

– Спасибо, но я вообще не крашусь.

– Да тебе и не надо, – Алина тоже улыбается. – Ты и так очень красивая.

– Собирайтесь! – смеюсь уже в голос.

Наконец, все готовы. Выдвигаемся.

Первый учебный день, жди нас, мы к тебе идём!

Глава 4

Тилень, тилень, тилень!..

Тилень, тилень, тилень!..

– Задолбал уже, – бурчит Алина. – Рит, да выключи ты этот чёртов будильник! Спать хочу!

– Твой телефон, тебе и выключать, – сонно хрипит Рита и накрывает голову подушкой.

Вздыхаю, с закрытыми глазами сажусь в кровати. Делаю три глубоких вдоха и выдоха. Встаю, подхожу к столу и выключаю будильник.

– Девочки, если мы сейчас не начнём собираться, то в душ не попадём.

С тихими проклятиями соседки начинают выбираться из постелей.

Делаем свои дела, собираемся и быстро отправляемся на занятия.

Вообще, у нас всё замечательно складывается. Общага от института буквально в пятистах метрах. Пять минут, и ты уже добрался до пункта назначения.

Это особенно актуально для меня, потому что тёплой одежды нет. Максимум, доступный мне – это толстовка.

Сейчас, пока середина сентября, ещё достаточно тепло, и меня спасает свитер. Станет похолодней, надену сверху толстовку. А дальше уже посмотрим. Может, смогу купить ка-

кую-нибудь куртейку со второй стипендии. Потому что на первую я с самого начала не рассчитывала, она у меня полностью ушла на покупку ноутбука не самой последней модели. Надо же на чём-то рефераты и курсовые писать.

Мне, конечно, уже очень стыдно, но другого выхода нет, поэтому я банально сижу у девчонок на шее.

Вроде бы, как сироте, мне положено бесплатное питание, но проблема в том, что в институте нет столовой. Компенсация за питание выплачивается вместе со стипендией. Так что затянула пояс и жду.

Первое сентября вспоминается большим смазанным пятном. После короткой приветственной линейки нас сразу отправили по аудиториям, и начались пары. Так себе праздник вышел.

А, с другой стороны, мы же не в школе. Во взрослой жизни места праздникам выделяется всё меньше.

Но мы с девчонками всё равно отметили. Купили в ближайшей кондитерской пирожные с заварным кремом, пили чай и веселились.

Вообще, учиться мне нравится. Но таких энтузиастов, как я, не пропускающих занятия и глядящих преподам в рот, в нашей группе только двое. Одна из девочек, которая ни с кем не общается и всегда садится прямо перед преподавательским столом, ну и я.

У меня есть цель – получить образование, найти хорошую работу, обеспечить достойную жизнь себе и своим детям.

Той мечтой и живу.

Девчонки мои учатся на менеджеров, поэтому в институте мы с ними не часто сталкиваемся. Зато все вечера – наши. Мы и домашку сделать успеваем, и ужин приготовить, и побеситься.

Позавчера вообще бой подушками устроили. Смеялись так, что потом мышцы на животах болели.

Одногруппники у меня, в принципе, нормальные. Но конкретно ни с кем я пока не подружилась. Ходим из аудитории в аудиторию, конечно, вместе, общаемся, болтаем на разные учебные темы. Но так, чтобы близко, как с Ритой и Алиной, – такого нет.

Как ни странно, но среди толпы девчонок с нами учатся несколько парней. Обычно на лекциях они сидят позади и не столько слушают и пишут, сколько гогочут, мешая другим, и достают своими подколами девчонок. Поговаривают, что ректору были нужны спортсмены, чтобы представлять ВУЗ на разных соревнованиях, а этих оболтусов с их результатами ЕГЭ вообще никуда не брали. Вот и сунули к экономистам.

– Сонь, – толкает в бок Люба, – сколько пар осталось?

– "Экономическая теория", и всё, – шепчу, не отвлекаясь от конспекта.

– А где она?

– На втором этаже. Аудитория двести три.

Люба, конечно, тот ещё кадр. Мне ответить не трудно, но

можно же залезть в расписание и посмотреть? Только зачем? Поверх конспекта – телефон с каким-то сериалом, в ухе наушник. Интересно, а как она экзамены будет сдавать? И зачем вообще поступала, тем более платно, если ей учиться абсолютно неинтересно?

Пара заканчивается. Шумной толпой вываливаемся в коридор и вливаемся в гудящий студенческий поток.

– Сонь! – зовёт кто-то сбоку.

Оборачиваюсь. Незнакомая девчонка машет рукой и смотрит мне за спину.

– Иди быстрее. Опоздаем!

Не меня зовут. Отворачиваюсь и спешу догнать группу.

Быстро подхожу к лестнице, собираюсь спускаться, и тут получаю ощутимый такой тычок в плечо. Вскрикиваю. Понимаю, что лечу вниз. Но схватиться за перила никак не получается, потому что от страха закрыла глаза. Так и падаю бестолково машущим руками кулём.

Неожиданно кто-то очень жёстко обхватывает меня поперек талии и резким рывком впечатывает во что-то каменное. У меня от такой стыковки воздух из лёгких вылетает со свистом.

Стою в шоке. Глаза открыть не могу. Сердце бьётся где-то в горле, в ушах шумит. Нервная система не успела перестроиться, и все ещё паникует.

Тяжело дышу. Сглатываю слюну. Солёная. Язык прикусила, что ли?

– Слышь, ромашка! Если тебе нужен телохранитель, ты только скажи. Хоть шанс появится до второго курса дожить.

Не верю своим ушам. Так не повезти могло только мне!

Открываю глаза и натыкаюсь взглядом на грудь в белоснежной толстовке. Задираю голову.

Бледнею, краснею, покрываюсь пятнами. Видимо, эффект дежавю у меня встроен в систему жизнеориентирования.

Надо мной так же, как и две недели назад, нависает мажор. Одной рукой держится за перила, другой очень крепко прижимает меня к себе. Аж рёбра трещат.

Вообще, довольно часто встречаю его в коридорах. Обычно он с наглой ленивой улыбкой проходит мимо, сканируя меня тёмным взглядом, и тем самым очень нервируя. Нечего так смотреть, на мне розы не растут!

– Мне не надо... Спасибо...

Пищу, глядя куда-то в район подбородка, а он усмехается. Ну да, это ни разу не предложение было.

И тут я делаю ошибку и поднимаю взгляд выше, на глаза. А они опять какие-то странные. Взгляд тёмный и тягучий, как смола. Завораживает меня, будто гипнотизирует.

И я залипаю. Пялюсь на него, как кролик на удава. Ну, или банлерлог на Каа. Хочу оторваться, но такое впечатление, что проваливаюсь ещё глубже. Я будто в грозовом небе тону. Какое красивое небо...

И тут мажор склоняется над моей макушкой, утыкается в неё носом и шумно вдыхает, а я вздрагиваю и прихожу в

себя.

Соната, ты с ума сошла? Отставить тонуть!

– Пусти, пожалуйста! Мне идти надо... – выдаю почему-то сильным голосом.

– Охрененно пахнешь, – хрипит он и снова меня нюхает.

Растерянно хлопаю ресницами. Что?..

Нет-нет-нет! Мне действительно пора валить! Причём, сразу по двум причинам: подальше от мажора, рядом с которым резко тупею и теряю инстинкт самосохранения, и во-вторых, я на пару опаздываю.

Упираю кулаки в каменную грудь и пытаюсь отодвинуться от Горина. Ха-ха. С тем же успехом можно со скалой бороться.

– Отпусти, говорю! – придаю голосу строгости.

Вроде бы срабатывает. Отстраняется. Но ненамного – ровно настолько, чтобы в лицо мне посмотреть.

– Зачем?

Свожу на переносице брови, делаю грозное лицо.

– Мне на пару надо.

Говорю, а у самой коленки дрожат. И нет, это меня не близость его волнует! И не завораживающий взгляд! И даже не офигенный запах его парфюма!

Мажор не реагирует. Скользит взглядом по лицу. Рассматривает или ищет что? А потом захватывает ладонью мой подбородок и зачем-то проводит большим пальцем по нижней губе. И смотрит, смотрит, не отрываясь.

Вздрагиваю от пронзившего сладкого ощущения внутри. Глаза закрываются сами. Резко выдыхаю и бесконтрольно хочу податься вперёд.

В ухо врывается шёпот. Горячий. От него мурашки во все стороны бегут, аж ноги подгибаются.

– Ромашка, поехали, замутим вечеринку на двоих?

Когда смысл сказанного доходит, меня словно ведром ледяной воды окатывает. Прихожу в себя. Трезвею. Очарование момента пропадает, будто его и не было. Дёргаюсь и распахиваю глаза.

Вот я дура!

В груди закипает злоба. И почему-то... обида.

– Ты сдурел, что ли? Руки убери! – шиплю.

Пихаю его в грудь и костерю себя, на чём свет стоит. У меня вместо мозгов жиж, что ли? Кисель, как Алина говорит. Развесила уши, идиотка! Это же мажор! Он таких дур, как ты, коллекционирует. Надо было сразу валить, и быстро! Пониже поясницы не зудит, вот и расслабилась.

– Обещаю, тебе понравится, – Горин продолжает прижимать меня к себе и терзать горячим дыханием моё несчастное ухо.

– Мне это неинтересно! – выкручиваюсь и опасно отклоняюсь за перила, лишь бы только по мне перестали скакать вконец озверевшие мурашки.

Наконец, выигрываю немного свободы – мажор отстраняется, но снова начинает меня гипнотизировать. Ну уж нет!

Второй раз у тебя этот же финт не прокатит! Сверлю его гневным взглядом. А ему, похоже, всё равно.

– Какая колючая ромашка... – нагло усмехается и... опускает взгляд. – Сама не понимаешь, от чего отказываешься. Могу продемонстрировать.

Горин разговаривает не со мной, а с моим ртом. А потом медленно наклоняется.

Да что ж такое-то?

– Как-нибудь обойдусь!

Борюсь до последнего. Снова выворачиваюсь и отклоняюсь, но мажор перехватывает меня за затылок и тянет к себе. Его лицо всё ближе. Уже чувствую горячее дыхание на своих губах. Сейчас что-то случится! Спасите! А-а-а!

И тут мне везёт.

Мимо проносится очередной опаздывающий студент и ощутимо задевает Горина плечом. Железная хватка на мгновение ослабевает, а я пользуюсь моментом, выкручиваюсь и, не дожидаясь реакции, мчусь по ступеням вниз.

За спиной слышу сдавленные ругательства и какие-то оправдания.

– Иди на хрен!..

Это Горыныч огнём полыхает. А следом несётся уже в мой адрес:

– Слышь, ромашка? А насчёт вечеринки – ты подумай! Не пожалеешь!

– Пошёл ты!.. – бурчу под нос.

Не оборачиваюсь. Бегу в двести третью аудиторию. Влетаю и захлопываю за собой дверь.

Уф! Успела! Ещё бы минута, и сидеть мне на лавке в коридоре или идти в общагу. Преподаватель строгая, опоздавших не пускает.

На первой же лекции категорично заявила:

– Это вам не школа! Поэтому я бегать за вами не собираюсь. Образование нужно вам! А кому неинтересно, тот может не ходить на мои лекции. Встретимся на экзамене.

Сажусь на свое место. Звонок. Преподаватель поднимается из-за стола.

– Добрый день, студенты. Записывайте тему новой лекции...

Достаю ручку, тетрадь. Записываю.

Стараюсь не отвлекаться, но мысли постоянно возвращаются к Горину.

Щёки горят, руки-ноги подрагивают, сердце где-то в горле колотится, и внутри всё так странно-сладко сжимается, и даже немного жаль, что мажора кто-то пихнул...

А-а-а! Хватит! Вдох-выдох. Спокойно. Не думать о мажоре, не думать!

Две недели продержалась, почти не думая! Конечно, легче было приказать, чем выполнить. А если в голову постоянно лезут разные мысли?

Да, да! Накатывали фантазии с участием сероглазого блондина, которые я старательно гнала от себя. И даже уже

начало отпускать.

Этому немало способствовало то, что Горин, приходя к нам в общагу, постоянно находился в центре женского внимания. Я не раз видела, как он выходил от айтишников, с которыми у него какой-то крутой совместный проект, в обнимку с очередной радостно виснувшей на нём девицей.

Про проект – это девчонки потихоньку разузнали. Я не просила. И даже очень злилась. Потому что мне всё равно. Должно быть...

А Элинка живет на четвёртом этаже. И ходит ли к ней мажор, не знаю. Но девчонки на кухне болтали, что вроде как у Горыныча с ней "всё".

И вот, вроде бы, стало получаться отвязаться от мыслей о мажоре. А столкнулись на лестнице, и опять всё сначала... И даже хуже.

Вспоминаю, как он ко мне наклонялся, и снова щёки горят, и губы почему-то пульсируют, а внутри что-то сжимается.

Это потому что я запыхалась, боясь на пару опоздать, а не потому, что в какой-то момент даже хотела, чтобы мажор меня поцеловал. Да, именно так!

Вздыхаю и трясусь головой. Это всё не всерьёз, просто гормоны шалят.

Эх, Соня, дура ты! Он развлекается, а ты уже напридумывала непонятно чего. Знаешь, сколько у него таких идиотов, согласных на всё?

Ну вот к ним пускай и чешет! Чего ко мне пристал? А я чего о нём думаю? Обещала же себе...

– Лиесс, если Вам неинтересно, можете быть свободны, – холодно говорит Анна Вячеславовна.

Понимаю, что последние пять минут вообще не слышала, о чём говорит преподаватель, и ничего не писала. Сидела, уставившись на неё невидящим взглядом.

– Нет, нет, ну что Вы, – испуганно сглатываю, – мне очень интересно!

– Тогда записывайте, я повторять не буду, – говорит она и продолжает диктовать.

А я послушно склоняю голову к тетради.

Эх, как дальше учиться, если с самого начала в моей жизни такая ерундистика происходит?..

Глава 5

Утром просыпаюсь не от звука будильника. Вместо противного писка мозг разрывает навязчивый монотонный шум.

Разлепляю глаза. Дождь. Не моросящий, а почти ливень.

Здорово, просто отлично нас встречает октябрь! О том, что могут зарядить дожди, я и не подумала. У меня ни куртки, ни зонта, ни денег, чтобы это купить. В чём идти на пары? Пусть и близко, а всё равно до костей промокну.

Решаю, что натяну поверх свитера толстовку, быстро добегу, а потом сниму её и сдам в гардероб.

Собираемся нашей маленькой компанией. Как всегда, девчонки берут надо мной шефство. Цепляюсь за Риту, ныряя под её зонт. Стыдно за своё нищенское существование, но деваться всё равно некуда.

– Ну и погода, – стонет Алина, зябко передёргивая плечами и осторожно обходя гигантскую лужу, разлившуюся посреди тротуара.

– Полный капец, – поддерживает Рита и недовольно морщится.

Я только молча вздыхаю. У девчонок осенние куртки, а я не успела выйти, но уже подмерзаю.

С проезжей части резко выруливает машина и останавливается возле нас. Стекло пассажирской двери медленно опускается.

– Эй, Снегурки! Может, вас подвезти, пока не растаяли?

Замираем. С водительского сиденья нам ухмыляется Горин. Сидит, лениво опершись локтем на руль, а потом немного наклоняется вперёд и подмигивает.

– Дар речи потеряли, Снегурки?

Рита и Алина смущённо переглядываются и почему-то бросают вопросительные взгляды на меня. Широко распахиваю глаза и пожимаю плечами. Решения моего ждут? А я-то тут при чём?

– Как хотите, – спокойно отвечаю, глядя поверх машины.

– Можете ехать.

– А ты?

Алина удивлённо приподнимает брови, а Рита смотрит на меня умоляюще. Её можно понять. Нам вдвоём под одним зонтом идти не очень удобно.

– А я пешком, – отрезаю, не глядя на Горина.

Нет уж, спасибо. Мне его помощь не нужна. И вообще, с каких это пор он извозчиком заделался?

Девчонки нерешительно топчутся, обмениваются вздохами и печальными взглядами.

– Нет, – наконец, шепчет Алина. – Мы без тебя не поедem.

– Спасибо, но нам тут близко, – за всех отвечает Рита и натягивает на лицо виноватую улыбку.

Разворачиваемся и идём дальше. Рита тяжело вздыхает.

Ну, а я что? Мы ещё две недели назад конкретно так поговорили. Я своё мнение озвучила – меня никакие отноше-

ния не интересуют, и нечего сводничать.

Девчонки, вроде, согласились, но периодически какую-нибудь инфу про Горина как бы случайно мне в уши вливают. Неугомонные!

За спиной хлопает дверь машины, и тонко пикает сигнализация. Кошусь в сторону. Хмыкаю про себя.

Горин, как ни в чём не бывало, вклинивается между мной и Алиной. Идёт, не глядя по сторонам, словно с самого начала планировал присоединиться.

Руки в карманах, походка расслабленная, на лице неизменная ухмылка. Волосы моментально промокли, и со светлых прядей свисают крупные капли дождя. Модная кожанка нараспашку, поэтому на белой водолазке быстро растекаются большие мокрые пятна.

– Ладно, тогда и я с вами пройдуся. Погодка хорошая, как раз для прогулок.

М-да! Идиотизм у нас не лечится, а тупость неизлечима!

Отходим с Ритой в сторону и прямо по газону пытаемся обойти очередную лужу. Открываю рот, чтобы высказаться по поводу мозговой активности мажора и его странных погодных пристрастиях, но не успеваю.

Рита кидает взгляд на Горина и вдруг поскальзывается на мокрой траве. С тихим "Ой!" она начинает падать, утягивая меня за собой. Пытаюсь устоять на ногах, но, кажется, сегодня не мой день. В ужасе закрываю глаза и лечу вслед за ней.

Но до земли не долетаю. Горин каким-то чудом успевает

схватить нас прямо в полёте и рывком тянет на себя. И всё могло бы быть хорошо, но моя рука выскальзывает из его ладони, я меняю траекторию и, как кошка, приземляюсь на четыре конечности прямиком в центр лужи.

Медленно поднимаюсь, осознавая весь масштаб катастрофы. Одежда насквозь мокрая, обувь чавкает, а сверху дождь методично добивает то, что осталось сухим.

Поднимаю глаза на девчонок. Алина стоит поодаль и с ужасом взирает на творящееся безумие.

– Обалдеть! Сонька, ты же вся... – выпучив глаза и прикрывая ладонью рот, пищит Рита, которой повезло больше, её-то Горин удержал. – Как же ты теперь... Блин, это я виновата!

Выхожу из лужи, вода льётся ручьями. Я сейчас на мокрую курицу похожа. Мокрую, замёрзшую, грязную и несчастную.

– Господи, мне даже переодеться не во что, а сегодня, как назло, пять пар, – шепчу в отчаянии.

– Возьми в моей полке синие джинсы и бежевую толстовку. Она тёплая, – Алина всё-таки быстро соображает.

Благодарно киваю, а к горлу подкатывает обида. Это всё Горин виноват! Как рядом оказывается, у меня сразу неприятности случаются.

Перевожу взгляд на мажора. Он смотрит на меня с лёгкой насмешкой. Кажется, кое-кого эта ситуация забавляет.

– Чего пялишься? – раздражённо спрашиваю и чувствую,

что меня уже трясёт от холода.

Он приподнимает брови и растягивает губы ещё шире.

– Думаю предложить Олимпийскому комитету новый вид спорта – луже-сёрф для одной ромашки.

– Лучше предложи им "каратэ по завышенному самомнению"! Все призовые места твои будут.

Знаю, что нарываюсь. Горину хамить нельзя. Но у меня просто нервы не выдерживают! Холодные капли стекают за шиворот, пальцы на ногах скручиваются в трубочку, а тут ещё он со своими шуточками.

Мажор открывает рот, чтобы что-то ответить, но тут мои зубы начинают выбивать дробь. Не дожидаясь очередной подколки, машу девочкам, разворачиваюсь и бегу в общагу. Вижу, что Горин что-то спрашивает у Риты, но слов уже не слышу.

Вода противно хлупает в кроссовках, мокрая одежда липнет к телу, челюсть трясётся, и я её никак не контролирую. Внутренности сжались от холода. Пипец... Просто день невезенья: и с мажором столкнулась, и в лужу упала, и первую пару пропустила.

Залетаю в комнату, быстро раздеваюсь. Пальцы не гнутся – заледенели окончательно. С трудом стягиваю кроссовки. Как и когда их сушить буду, без понятия.

Из сменки только кеды. Идеальная обувь для дождливой осени! Вообще не представляю, попаду ли сегодня на пары.

У девочек размер ноги больше. Обуть Риткины ботин-

ки? Тридцать восьмой, конечно, но если внутрь что-нибудь всунуть или носки поплотнее надеть, то, может, сойдёт?

Ой, блин! Что ж делать-то? Бегаю по комнате в одном белье. Но ничего путного в голову не приходит.

Неожиданно в дверь стучат. Кого ещё там принесло? Подлетаю к кровати, накидываю халат и бегу открывать. Распахиваю дверь и застываю с открытым ртом. Вот кого угодно ожидала увидеть, но только не его!

Не знаю, как реагировать, и что говорить, поэтому выдаю стандартное:

– Что надо?

Горин молча заходит, вынуждая меня отступить в сторону. Вот это наглость восьмидесятого уровня!

– Глухой, что ли? Что надо, говорю? – имитирую поведение тётъ Лены, когда к ней соседка приходила, с которой она в контрах.

Мажор усмехается, молча ходит по комнате, заглядывает в каждый угол. Только что пальцем пыль на полках не проверяет.

Скрещиваю на груди руки, рычу:

– Слышь, тебя сюда не звали! Чего пришёл?

О! Меня замечают!

Горин останавливается и окидывает меня изучающим взглядом. Я бы даже сказала, сканирует.

– Вещи твои где? – спрашивает.

Вскидываю брови, цежу:

– Какие вещи?

Усмехается. Разворачивается и... открывает шкаф.

Да он... Да он... Да он вконец охренел???

– Вот эта твоя полка? – безошибочно тыкает пальцем туда, где сиротливо лежат свитер-лапша, пара комплектов нижнего белья и носки.

Ну да, у девчонок в полках и свитера, и кофты, и джинсы.

В голове за секунду проносятся воспоминания о последних пяти годах жизни.

Тётя Лена мне вещи только по необходимости покупала – когда я из них вырастала или старые изнашивались. Да ещё выговаривала потом неделю, что на мне всё как на огне горит, и денег на меня не напасёшься. Хотя все годы получала за меня опекунские.

Её любимая поговорка:

"В деревне некуда наряжаться, а по двору можно и в старом ходить".

С одной стороны, она была права. В школу я ходила в форме, а в магазин надевала джинсы и свитер. Больше мне ходить было некуда. Мои ровесники по субботам в клуб бегали, а в будни на школьной площадке компаниями собирались, но меня тётя Лена не пускала.

Я как-то раз попросилась, но она как рывкнула:

– Чтобы ты, как мать твоя беспутная, в подоле принесла? Быстро тогда отсюда вылетишь! Если нечем заняться, иди на усадьбу, картошку тяпай!

Так что, больше я эту тему не поднимала.

– Слышь, ромашка! Твои родичи на тебе экономят, что ли? – вырывает из воспоминаний голос мажора. – Как-то сиротливо в твоей полке, не находишь?

От такой беспардонности и наглости у меня перехватывает дыхание.

Мгновенно вскипаю, лечу к нему, с силой захлопываю дверцу ни в чём не повинного шкафа и, задрав голову, смотрю в наглые серые глаза. При этом шиплю не хуже королевской кобры:

– Так может, это потому что я и есть сирота? – и, не дожидаясь реакции, указываю рукой на дверь. – Слушай, Горин, вали отсюда, пока я твою холёную рожу не расцарапала, и ты нищетою от меня не заразился!

Что-то в его лице меняется. Ухмылка исчезает, а взгляд становится растерянным. Неужели стыдно стало? Глазам не верю!

– Прости, я не знал, – говорит, посерьёзнев.

Мои плечи опускаются, весь запал куда-то уходит. Вроде и не специально задел, а всё равно кольнуло.

– Уходи, Егор, – говорю тише, но голос предательски дрожит. – Я не обиделась. Сирота – это не оскорбление, а статус. Такой же, как и у тебя – мажор.

На мгновенье он хмурится, будто мои слова его зацепили.

– Ромашка, да ты не просто колючая. Ты ещё и ядовитая, – хмыкает он, а у меня комок к горлу подкатывает.

– Дверь там, – киваю на выход.

Больше нет ни сил, ни желания язвить и отбиваться от нападок.

Отхожу в сторону, поднимаю с пола мокрые кроссовки. Надо бы их помыть и поставить сушиться, но ничего не хочется. Такая апатия накатывает. Ставлю их на место и отхожу к окну.

Вот что, спрашивается, Горин припёрся? Кто его звал? Если бы он не остановился, Ритка бы на него не отвлекалась и не поскользнулась, а я бы не упала в лужу и не глотала сейчас слёзы обиды.

– Эй, ромашка, ты что, плачешь?

Неожиданно мажор оказывается за моей спиной, берёт за плечи и поворачивает к себе.

Я плачу? Трогаю лицо. Мокрое.

– Нет, это с волос капает, – отвечаю, а у самой голос отчего-то срывается.

Горин смотрит внимательно, а потом приподнимает моё лицо за подбородок, и я вижу в его глазах сочувствие. Вся его придурочность куда-то делась. Егор хмурится и неожиданно выдаёт:

– Извини. Я действительно чего-то перегнул.

А я смотрю на него и залипаю. Теперь, когда мажор не строит из себя мистера Вселенную и не давит своей мощью, он мне ещё симпатичнее кажется. Взгляд его обволакивает, а губы так и тянут прикоснуться.

С трудом вытаскиваю себя из этого зомби-состояния и отвожу глаза.

– Забыли, – бурчу и делаю шаг назад.

Внутри буря. Меня трясёт от близости Горина. Сердце трепыхается. В горле пересохло.

Ох, Соната! Куда ты вообще лезешь? На кого губу раскатала? Ты ему не пара. Так, девочка на пару ночей. И он тебе не нужен! Мажор. Маменькин сынок, родившийся с золотой ложкой во рту. Не стоит повторять мамины ошибки. Ни к чему хорошему это не приведёт.

Беру себя в руки и максимально равнодушным голосом говорю:

– Я на пары опаздываю. Уходи, Горин. Очень тебя прошу.

Внутри что-то сжимается и протестует, но я отворачиваюсь, скрещиваю на груди руки и упрямо смотрю в окно.

Слышу тяжёлый вздох, шаги и тихий щелчок дверного замка.

И только тогда закрываю лицо руками и горько плачу. Дура ты, Соната! Ох, дура! Куда ж ты лезешь? Ничему тебя жизнь не учит.

Глава 6

Вытираю слёзы и заставляю себя успокоиться. Быстро одеваюсь, даже успеваю подсушить волосы. Радуюсь, что ливень как раз закончился, накидываю капюшон и выхожу на крыльцо.

Жаль, конечно, что первую пару пропустила, но теперь уже ничего не поделаешь. Ладно, попрошу у кого-нибудь конспект переписать.

У входа в общагу припаркована машина Горина. Отворачиваюсь и мысленно повторяю, как мантру: мне всё равно, мне плевать. Спускаюсь с крыльца под мелкий морсящий дождик.

Дежавю – это наше всё. Стекло передней пассажирской двери опускается, и с водительского места мне улыбается Горин.

– Ромашка, давай подвезу всё-таки. В качестве извинений.

Ну чего ему неймётся?

Вздыхаю. Может, согласиться, уступить? Ничего ведь такого. Просто довезёт до института, зато хоть не промокну. Лечиться, если заболею, тоже потом не хочется, да и не на что.

С тихим вздохом принимаю решение, открываю дверь и, не глядя на Егора, сажусь на переднее сиденье.

В машине у Горина тепло, сухо, играет ненавязчивая приятная музыка. А ещё в ней пахнет. Обалденно пахнет самим Гориным.

Этот запах меня в секунду обволакивает, и я уже жалею о своём решении.

– Поехали, – говорю, а сама гляжу вперёд.

Строго вперёд! Нечего им любоваться! И нюхать бы себе запретила, но надо же как-то дышать.

Не вижу его взгляд, но всей кожей ощущаю лёгкую насмешку. Вслух Горин ничего не произносит, и на том спасибо. Машина трогается с места, и все несколько секунд, что мы едем, тишину в салоне разбавляет только музыка.

Как только тормозим, молча открываю дверь, выскакиваю из машины и мчусь в здание института.

Что-то за последние сутки слишком много в моей жизни этого мажора стало!

Прибегаю как раз вовремя. Несколько минут назад закончилась первая пара. Только бы Анна Вячеславовна на меня за этот пропуск не взъелась!

Коридоры заполнены гудящими студентами. Иду на четвертый этаж. Сейчас у нас две философии.

– О, Лиесс, – окликает кто-то сзади.

Оборачиваюсь.

– Привет, Люб.

– Чего это тебя на экономической теории не было? Зорина спрашивала, – пыхтит девушка, быстро взбегая по ступень-

кам.

– В лужу упала, ходила переодеваться.

– Да?.. – хмыкает она. – А я думала, с Горынычем ката-
лась.

Чувствую, как щёки покрываются пятнами.

– С чего такие выводы? – цежу холодно.

– Так вас половина института в окно видела, – она много-
значительно играет бровями.

– Горин просто меня подвёз, нам по дороге было, – поче-
му-то оправдываюсь.

По глазам вижу, не верит. Свои выводы она уже сделала,
попробуй теперь, докажи, что ты не верблюд!

– Вообще-то он где-то в центре живёт. Так что да, по до-
роге, – насмешливо тянет, а я вспыхиваю.

– Каждый воспринимает ситуацию в меру своей распу-
щенности, – язвительно отвечаю и отворачиваюсь.

Зря! Очень зря я это сделала – поддалась на уговоры. Как
знала, что так будет! Не надо было садиться к Горину в ма-
шину. Теперь сплетен не оберёшься. Права всё-таки была
тётъ Лена, когда душой меня называла. Дура и есть!

После пятой пары выхожу на улицу, спускаюсь с крыльца
и направляюсь в общагу. Ещё в магазин нужно зайти. Денег,
конечно, нет, но на батон хватит. Девчонки и так меня по-
стоянно кормят, уже просто неимоверно стыдно. Быстрей бы
стипендия!

– Слышь, ты! – доносится в спину.

Это сейчас кого зовут?

Кошусь в сторону незнакомого голоса. Приятная платиновая блондинка. Стоит, скрестив на груди руки, и с презрительной улыбкой на меня смотрит.

– Ты мне? – спрашиваю недоумённо.

– Тебе, тебе, рыжая!

Девушку не знаю, и ни разу её не видела. Оглядываюсь. Нет, ну не то чтобы тут рыжие табунами ходили, но мало ли?

Но, кроме нас, рядом никого нет.

– Чего тебе?

Блондинка кому-то кивает, и с крыльца спускаются ещё три незнакомые студентки.

– Пошли, поговорим, – сквозь зубы цедит блонда.

На всякий случай делаю шаг назад. Не знаю, в чём проблема, но понимаю, что ничего хорошего этот разговор не сулит. Очень уж у незнакомки интонация характерная.

Место пониже поясницы начинает зудеть, подтверждая мои выводы.

Вижу, как подружки незнакомки рассредотачиваются, стараясь зайти мне за спину, и делаю ещё один шаг назад.

– О чём?

Пытаюсь говорить спокойно, но голос немного дрожит. Я, как бы, не драчунья ни разу.

– Сейчас узнаешь! – доносится сзади.

И я тут же получаю тычок в спину. Всё-таки упустила из виду одну из девушек.

Лечу вперёд, но удаётся не только устоять на ногах, но и немного развернуться. Обвожу растерянным взглядом наступающую на меня четвёрку.

– Девчонки, вы меня ни с кем не перепутали? Я вас не знаю, – делаю ещё одну попытку не дать случиться непоправимому.

Если они настроились на драку, то сначала будут бить, а потом уж соображать, правильно ли выбрали объект для разборок. Это я ещё по детдому помню.

– Элин, – насмешливо тянет одна, не сводя с меня глаз, – ты точно эту рыжую ни с кем не перепутала?

– Такую не перепутаешь, – блондинка зло улыбается.

Элина? Уж не та ли, с которой Горин мутил? Так, а что от меня-то ей надо?

Шаг за шагом меня загоняют за угол здания. Прижимаюсь к стене, не давая возможности, если что, ударить со спины. Я сейчас за загнанную в угол мышь похожа.

Задираю подбородок повыше. Ни ростом, ни массой давить не могу. Спасать меня некому. Алина с Ритой давно уже в общаге, у них сегодня три пары было. Поэтому выхода нет. Буду брать наглостью.

– Ну? И чё надо? – цежу сквозь зубы, приподнимая вверх брови и копируя выражение лиц незнакомок.

Блонда наступает, нависает надо мной. Как все любят нависать-то! Это что, любимая позиция у всех, кто выше ростом?

– Слышь ты, мартышка! – рычит она. – Чтоб я тебя около Горыныча больше не видела! Поняла меня? Иначе в землю закопаю и забуду памятник поставить!

А-а, так всё-таки дело в нём? Опять мне Горин неприятности подкинул. Сердце колотится, пульс зашкаливает. Ещё б зубы начали стучать, и вообще тогда распишусь в собственной трусости.

Нет, нет, нельзя! Надо держаться!

– Не упёрся мне твой Горин, – хмыкаю и окидываю блондинку надменным взглядом.

– Я тебя предупредила! – рычит она и резко бьёт меня в живот.

Ох!.. Сгибаюсь. Хватаю ртом воздух. Не то чтобы у неё удар сильный, ну так и я не Джеки Чан.

– Элин, дай, я ей вмажу! – слышу сквозь шум в ушах.

Дело, кажется, принимает серьёзный оборот.

Детдомовский опыт мне в помощь!

Выпрямляюсь иставляю перед собой кулаки. Разговора словами через рот, видимо, не будет. Поэтому, если уж продавать свою жизнь, то и цену надо запрашивать соответствующую.

– Ты что, рыжая, – смеётся брюнетка и наступает на меня, – думаешь, со мной справишься?

– Кто с кем справится, время покажет!

Стараюсь дышать ровно и держать всю четвёрку в зоне видимости.

Незнакомка делает быстрый выпад, но я начеку. Резко отскакиваю, хватаю её за длинные волосы и бью лицом о стену. Да, нечестный приём! А вчетвером против одного – честно?

Брюнетка визжит, а её подружки толпой наваливаются на меня. Удары разной степени силы сыплются со всех сторон.

Это уже не драка, а избиение, потому что бить в ответ у меня нет никакой возможности. Могу только пригибаться и закрывать голову руками. Осталось только пустить в ход ноги, и мне придёт трындец.

– Это что здесь творится? – сквозь визг, мат и крики в уши врезается мужской голос. – Студентки, вы совсем сдурели? Ну-ка, быстро прекратить!

Меня отпускают.

– Андрей Викторович, – слышу голос блонды. – Не лезьте лучше. Это наши, девчачьи, дела.

– Ларина, я вам сейчас устрою "девчачьи дела"! Быстро к ректору! И подружек своих захватите.

– Да ладно Вам, мы же просто по-дружески... поговорили, – улыбается блонда.

– Я сказал, к ректору! – рыкает незнакомец, судя по всему, преподаватель.

Разгибаюсь. Тело болит. Под глазом, скорее всего, фингал будет, потому что скула ноет. Кто-то всё-таки попал по лицу.

– Вы целы, студентка? – обращается ко мне мужчина.

– Жить буду, – выдыхаю, чувствуя, как немного срывается голос.

– Медкабинет уже закрыт. Но, если Вам нужна помощь, могу вызвать "Скорую".

– Нет, спасибо. Всё в порядке, – отрицательно мотаю головой.

– Ну, раз всё в порядке, тогда следуйте за остальными. Пообщаемся все вместе.

Делать нечего, бреду вслед за компанией. Нашу эпичную процессию завершает преподаватель.

Ректор на нас, конечно, не орёт, но в том, что я слышу, тоже хорошего мало.

Что не поделили, и почему дрались, никто из нас не колется. Два взрослых мужчины так и не могут добиться от нас нормального ответа.

– От Вас, Ларина, – резюмирует ректор, – я, в принципе, чего-то такого и ожидал. Только не думал, что Ваше агрессивное поведение проявится так быстро. Надеюсь, хотя бы пару месяцев протянете без драк и разборок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.